

Постскрипtum к воспоминаниям о Назирове*

Л. А. Каракуц-Бородинa

Санкт-Петербургский государственный университет

В 2017 году мне уже посчастливилось быть автором мемуара о Ромэне Гафановиче. Однако два памятных эпизода из его лекций не вошли в опубликованный текст, хотя навсегда стали частью того, что я могла бы назвать своей прецедентной базой.

Оба этих момента объединяет тема любви — и, как принято было говорить много лет назад в Башкортостане, глубоко символично, что задуманы и написаны они сразу после праздника всех влюбленных.

Первый печальный; лишь теперь я понимаю — насколько.

Итак, Р. С. Излагая биографию Толстого, Назиров рассказал, как тот привез молодую жену Софью Андреевну в имение. Едва ли не первым встретившимся ей человеком, в изложении Р. Г., была дряхлая старушка, которая сразу показала ей красивую статную крестьянскую девушку. И пояснила якобы: «А это — баринова мадамка». «А Софья Андреевна, — произнес затем Ромэн Гафанович, — была хорошая девушка, но она была пигалица».

Очень долго на этом месте для меня эпизод завершался. Я не помню, о чем рассказывал Ромэн Гафанович дальше. Фразой про пигалицу я долго еще пользовалась, примеряя вещи, не подходившие мне по росту (надо сказать, что в 90-е, годы товарного дефицита, статные девушки были в моде и обрывочно завозившиеся товары предназначались только им; нас, пигалиц, в расчет не принимали).

Теперь, обращаясь к очерку очерк Назирова «Лев Толстой»¹, я вижу, что эта фраза, если она и звучала в действительности, знаменовала трагический поворот в судьбе Софьи Андреевны: едва войдя в дом мужа, она узнала, что всегда будет несчастна, нелюбима здесь. Связь Льва Николаевича со статной крестьянкой Аксиной Базыкиной началась задолго до женитьбы; в свои материалы Назиров переносит дневниковую запись Толстого от 1858 г.: «Я влюблен, как никогда в жизни». И хотя Лев Николаевич был верным мужем, никаких подобных чувств по отношению к жене он не испытывал никогда.

Р. Р. С. Я не могу припомнить, в каком курсе и с какой темой в связи Ромэн Гафанович пересказывал нам новеллу V, 9 из «Декамерона» Боккаччо, известную как «Новелла о соколе». В его изложении история приобретала вид, близкий к произведениям масскульта. У Боккаччо Федерико обеднел вследствие безудержного расточительства — у Назирова это

*Каракуц-Бородинa Л. А. «Седой профессор говорил о Чехове...» // Назировский архив. 2017. № 2. С. 77–81.

¹Назировский архив. 2019. № 2. С. 8–122.

был благородный бедный рыцарь. Федерико Боккаччо, прежде чем зажарить, сворачивает соколу голову прямо по ходу сюжета; таким образом, интриги нет. Назиров же сообщал лишь, что даме подали обед с курицей, которая показалась ей очень жесткой, а сама судьба сокола раскрывалась в самом финале: когда Джованна переходила к сути своего визита, внезапно выяснялось, что сокол уже съеден ею. Таким образом, произведение становилось новеллой в новоевропейском смысле. У Боккаччо целый большой финальный абзац посвящен колебаниям Джованны относительно замужества, ее спорам с братьями и т. д. — а затем следует чинное сообщение о женитбе. У Назирова изложение венчалось следующей фразой: «Она так была восхищена его благородством, что немедленно ему отдалась!»

Такой стремительный поворот любовной коллизии, в котором благородство мужчины открывается случайно и должно быть немедленно вознаграждено, покорила меня раз и навсегда. И если в искусстве — взять хотя бы фильм «Телохранитель» — аналогов впоследствии я видела достаточно, то в жизни, пожалуй, все еще смутно надеюсь встретить своего Федерико в назировской версии.

P. P. P. S. Поскольку этот номер «Назировского архива» последний, позволю себе несколько слов о мемуарном разделе журнала. Считаю, что публикация в связи с увековечением памяти Р. Г. Назирова — большая честь для каждого из авторов воспоминаний. Как, очевидно, каждый из мемуаристов, я вспоминала совершенно искренне, хотя некоторые однокурсники и сочли возможным упрекнуть меня в «слишком хорошей памяти». Работа эта доставила мне чистую радость. Тем большее недоумение вызывают у меня отказы моих коллег, в том числе аспирантов Назирова, сделать то же самое¹. Меня всегда искренне интересовали мотивы таких отказов. Однако если случалось лично спрашивать об этом отказавшихся, ответы, как правило, сводились к одной и той же расплывчатой формулировке: «Что себе позволяют эти Ваши Орехов с Шауловым».

Журнал закрывается. Это был огромный, важный и невероятно интересный проект. Мне хочется от всей души поблагодарить главного редактора Бориса Орехова и его заместителя Сергея Шаулова за то, что они позволили это себе и всем нам.

¹Орехов Б. О. Корпорация совести // Назировский архив. 2019. № 4. С. 108–113.